

Связанные

Сегодняшняя ночь была лунной, поэтому спать не хотелось, свет из окна проникал во все части квартиры. Хотя он был неяркий, его вполне хватало на то, чтобы разглядеть всё, этот свет словно отгонял ночь. Иногда говорят, что такие ночи способны менять судьбу, словно распутывая клубок нитей, иногда отрезая ненужные сантиметры. Но Нацу в судьбу не верил, ведь если она есть то, тогда она должна быть очень жестокой, потому что сначала дарит мечту, ведёт к ней, а потом в последний момент всё забирает. Так просто, словно ничего не произошло, словно плач ребёнка ничего дня её не значит. И все считают это нормальным, но почему?

Нацу долго искал ответ на этот вопрос, когда на его глазах пролилась кровь. Когда она заливала всё вокруг, а он ничего не мог сделать, не мог даже остановить всё это, но был вынужден наблюдать. Он видел, как Игнила убивали, как огонь из его пасти сначала сжигал всё вокруг, а потом начал затухать, словно свеча у которой закончился фитиль. Как дракон в конце упал без сил, словно стал огромной и неподвижной скалой. Глаза Игнила тогда потухли, став стеклянными, не отражающими души, будто бы отражая пустоту внутри дракона. А потом он прекратил дышать, не смотря на мольбу Нацу, не смотря на веру мальчика в чудеса.

А когда, наконец, стало ясно, что дракон мёртв, что погиб тот, кто был для Нацу всем, уже ничего нельзя было поделать. Нацу уже был совсем в другом месте, посередине леса, вытирая слёзы руками, которые были в земле, за которую он цеплялся, когда хотел помочь Игнилу. Поцарапанные руки отдавали ужасной болью, многие из них станут шрамами, напоминающими об ужасном прошлом. Они потом напомнят Нацу о том, как маленький мальчик плакал в лесной чаще, но никто не пришёл к нему на помощь, хотя в дали, казалось, мелькали огни.

Тогда его жизнь поменялась, осыпая проклятьями магов, что убили Игнила, он решил погубить их всех. Ведь разбитую жизнь уже не собрать заново, не расписать теми же красками, поэтому вместо ярких цветов пришли серые. Взамен краскам жизни пришёл цвет злости и подлости. Единственным ярким цветом в его жизни стал алый — цвет пролитой им крови. во имя клятвы, которую он дал самому себе и душу Игнила.

А сейчас, лёжа в гамаке, глядя на луну, он вспоминал всё это, потому что в ту ночь тоже было полнолуние. Луна была такая же, как и сейчас, но казалось, ещё холоднее и намного чище. Не то что его душа, которая взяла на себя смерти многих людей, которые умирали от его рук все эти двенадцать лет.

***

Кажется, Люси каждый раз, закрыв глаза, будет видеть прекрасный Харгеон. Потому что она каждую ночь будет вспоминать тихий плач девушек и грубый голос того, кто привёл её в это ужасное место:

— Делайте, что хотите, только не испортите товар.

А потом звук рвущихся платьев, отдалённо напоминающий скрип досок, на которых она стояла или на которые опиралась, стараясь не упасть. Понимание того, что уже ничего не исправить, что многое уже не вернуть назад, тошнотворный запах крови, который забил нос. Холод, который она чувствовала, когда её касались чужие руки или когда пол царапал спину. И в тоже время жар, который словно сжигал её заживо, когда боль уже стала привычной для неё. Солёные от слёз губы и язык с железным привкусом, который появился из-за кровоточащей губы. А потом звон наручников и ужасная боль по всему телу, когда её страданиям, казалось бы, должен прийти конец.

Всё это тогда смешалось в глазах Люси, не смотря на то, что сейчас она могла вспомнить всё до мельчайших деталей. Её голова тогда не соображала, но сейчас, сидя в трясущейся телеге и, казалось, собирала все ямы на дороге, девушка понимала весь ужас положения. Она поддалась заклятью, оказавшись на корабле, который должен был отвезти её к мечте, к заведомой цели, но в итоге это был всего лишь обман. Её обманули те, кого она обожала, те, кому она старалась подражать. Её заманили в мир рабства маги, которые были сильнейшей доброй гильдией — маги Хвоста Феи.

Люси со вздохом, полным боли, встряхнула руками, чтобы хотя бы немного размять их, разогнав мысли, а потом, устроившись поудобнее, заснуть. Но звон цепей не позволил ей, заставляя вспоминать всё снова и снова. А старые и ржавые наручники, местами покрытые коростой, снова поцарапали её руки, заставив кровоточить, только начинавшие заживать порезы от них же. Люси не могла смотреть на свои запястья так, чтобы не навернулись слёзы, поэтому отвела от них взгляд. Но не зная, было ли это лучшим решением, потому что её глаза встретились с холодными лицами других рабов. Кожа их была бледная, сами они до ужаса худыми. Но куда больше Люси пугали их глаза, не выражающие никаких эмоций, мутные, словно старое стекло, которое потускнело от времени. Эти глаза были пустые внутри, словно у людей, душу которых выпили. Хотя у некоторых зрачки ещё были яркими, хотя в них виделась то же смирение, конечно же, были и те, кого поймали недавно. Многие из них были на грани самоубийства или безумства, говорят это нормально, как и то, что им не помогут даже понять, что произошло. Однако все эти люди смотрели на Люси словно она была препятствием в их жизни, хотя, думаю так и есть.

Здесь все прекрасно понимали, что их судьбы зависят от того, насколько быстро и кому их продадут. Ведь всё-таки есть разница, сколько человек издеваются над тобой. Да и потом, чем быстрее тебя продадут, тем меньше шанс того что тебя убьют за ненадобностью. Плохие рабы никому не нужны, поэтому их ждёт только смерть. Но девушкам приходится здесь намного тяжелее, чем мужчинам, ведь им приходится не только работать не покладая рук, хотя в прочем, Люси сейчас лучше не думать об этом. Она поправила то, что осталось от её нарядного платья, те лохмотья, которые ещё прикрывали что-то, надеясь, что тогда избавиться от оценивающих взглядов. Хотя завтра ей вряд ли суждено скрыться от них, ведь завтра её первый аукцион. А Люси ещё не знает, как её обсуждают впереди повозки, делая ставки, как быстро её съедят взглядами на трибуне перед тем, как купить.

Забава для глупцов

Солнечные лучи - это предвестники нового дня, они всегда приходят с рассветом, с новым днём для других, с мечтами и надеждами. Так написано во всех книгах, которые только можно найти в мире, но все эти книги о справедливости и честности, в них добро всегда наказывает зло. Но все эти истории — выдумки для простых людей. Их читают люди, которые ещё не столкнулись с жестокой реальностью, которые верят в этот сладкий обман. Эти книги — осколки мечтаний какого-нибудь неудачливого писателя, мечты которого разбились. Поэтому Люси, с высоко поднятой головой, смотрела на эти лучи, просачивающиеся сквозь железные прутья решетки на окне. Это был единственный свет, который попадал в тёмную повозку, освещая происходящее здесь, будто напоминая, что тьма — это не всегда плохо, ведь она может укрыть от твоих глаз ужасы этого мира, так как именно ночью происходят все преступления, которые лучше не видеть обычному человеку, который ещё не сошёл с ума. Но если тебе нечего терять, то остаётся только смириться и тихо сидеть, ожидая своей судьбы.

Но Люси всё время пыталась найти глазами зацепку или способ оттянуть то, что последует после того, как они прибудут на место. Сначала у неё была идея претвориться тяжело больной и, обдумав все минусы и плюсы этого плана, она уже хотела приступить. Как вдруг в другом конце повозки раздался кашель, а затем началась ужасная давка, потому что все рабы отодвинулись как можно дальше от больной. Повсюду слышался шепот, а потом, словно разорвав натянутое напряжение и посеяв панику, раздался крик:

— Она кашляет кровью!

Затем голоса стали громче, люди всё сильнее прижимались к другой стене, словно это могло спасти их. Вдруг повозка затормозила, многих рабынь разбросало по дну повозки, словно кукол, которые никому не нужны. А потом дверца в повозку отворилась, лучи восходящего солнца вместе со свежим воздухом ворвались к рабыням, проходя сквозь цепи и заполняя всё вокруг, наполняя людей слабой надеждой, которая развеется вместе с закрытием двери. Затем в повозку зашли двое мужчин и, расстегнув наручники на руках девушки, которая почти без сил лежала на полу, бормоча что-то, словно в бреду, вынесли её из повозки, заперев за собой дверь, оставив людей в темноте. Люси подумала, что в такой ситуации у неё будет шанс сбежать. Но эту мысль отогнал выстрел. Он был оглушающий, словно затмив всё другое, он заполнил головы людей, внушая им страх и понимание того, что уже ничего не изменить, что их жизнь уже не принадлежит им, что они просто вещи, жизни которых могут в любой момент оборваться. А потом в полной тишине повозка тронулась, никто даже не думал обсуждать произошедшее, всё было и так ясно. Поэтому, сделав вид, что ничего не было, рабыни продолжали спокойно сидеть, стараясь держаться подальше от кровавых пятен. Люси не была исключением, ведь всем здесь хотелось жить.

Так, глядя в окно, она сидела долгое время, стараясь немного подремать после прошлой ночи, собраться с мыслями, а потом, наконец, сбежать отсюда и найти ключи, которые у неё отняли. И Люси действительно заснула в сладких мечтах о прошлом. Она проснулась уже где-то в полдень от того, что её грубо потянули за руку, вытащив из повозки и поставив на ноги, выстроив в одну линию с остальными. Сейчас, Люси поняла, как сильно болят её ноги. Они казались ей тяжёлыми, будто были чугунными, но при этом ноги ещё и ужасно колело, словно

в них воткнули множество невидимых иголок. Люси посмотрела по сторонам, пытаясь определить, где она находится, борясь с желанием отвести глаза.

Продажа рабов — зрелище не из приятных, если ты попал на него первый раз, не будучи готовым к этому, то лучше тебе уйти. Запах грязи и пота, смешанный с ароматом железа, который исходит не то от крови, которая высохла на одежде, не то от старых кандалов и цепей, будет выворачивать тебя наизнанку. Выстроенные в линейку рабы, которые стараются не замечать на себе чужих взглядов, которые словно случайно встают за спины друг другу, а ещё есть те, кому уже просто наплевать, кому уже нет дела до очередной продажи. Кто уже смирился с тем, что его не купят и будут каждый раз напрасно унижать, а возможно, это будет его последнее мучение, после которого наступит забвение.

Но худшее начинается, когда всех мужчин распродадут, перейдя к девушкам. Тогда взгляды богатых людей буквально пожирают бедняжек, перебирая толстыми пальцами монеты в кошельках, решая для какой забавы или кому в подарок девушки подойдут. От всех этих людей исходил приятный запах духов, но и не смог скрыть до конца их суть, поэтому, как не был этот аромат сладок и приятен, люди не поддавались обману, видя их лица, на которых было презрение ко всем кроме себя.

Но иногда в их глазах загоралось желание. Все они любили не столько чужое страдание, сколько удовлетворение своих потребностей. Все они хотели того, чтобы им было хорошо, не смотря на мнение других людей. Ну, а что до рабов, то они вообще вещи, которые должны подчиняться воле хозяина. Именно поэтому они сейчас с удовольствием наблюдали за тем, как с девушек сдёргивают их одежду, чтобы покупатели оценили товар, чтобы души, с горя от стыда смотрели в глаза тем, кто не видит в них лишь предмет роскоши. Тем, кто желал поскорее проверить девушек в деле. Люси же сейчас с ужасом глядя на происходящее, видя, как людей постепенно распродают, а её очередь всё приближается, пыталась найти способ сбежать. Но разве можно сделать что-либо без магии, только своими силами, которых едва бы хватило чтобы погнуть звено в цепи, не то что сломать железные наручники. Да и вряд ли среди всего это сброда найдётся тот, кто случайно обронит ключ или хотя бы отмычку. Сбежать тоже не было возможности, за ней ещё несколько человек, скованных с ней одной цепью. Такие же обреченные, как и она, некоторых из них даже схватили вместе с ней. По щекам этих девушек катились слёзы, чистые и искренние, они запрокидывали голову к небу, может, чтобы скрыть их, а может, молясь, прося у бога спасение.

Люси посмотрела вперёд, на трибуну, на которой продавали рабов, всё было хуже некуда, осталось всего две девушки, торги за которых вряд ли затянутся надолго. А она уже ощущала на себе чужие взгляды. Никому уже не было дела до старых рабынь, когда она начала медленно шаг за шагом подниматься на пьедестал. Люси думала сбежать в тот момент, когда наручники отстегнут, чтобы отдать её новому хозяину, но этот план был обречён на провал, как только появился у неё в голове. По спине у Люси побежали мурашки, ведь она отчётливо ощутила приложенный к своей шее кинжал. Похоже, что здесь всё слишком хорошо продумано, а Люси ничего не остаётся, кроме как смириться.

С неё сорвали остатки платья, а потом, немного подождав, назвали первоначальную цену. Повсюду послышались крики и ставки, все эти звуки походили на стоны диких животных, которые вырвались на свободу. Но у Люси в ушах всё ещё стоял тот ужасный

скрежет рвущейся ткани, похожий звук расстегивающейся молнии. На глаза девушки навернулись слёзы, и она подняла лицо к небу, чтобы никто не видел её горя кроме солнца и звёзд, что скрыты за ним. Она словно искала спасения у тех, кто мог лишь молча смотреть. Люси прошептала свою просьбу одними губами, чтобы никто не услышал и не посмел разрушить её последнюю надежду:

— Найди меня, прошу.

Одним касанием

Холодные слёзы остаются в глазах, чтобы никто не знал о боли, которую может вытерпеть человек. Чтобы никто не мог упрекнуть другого в слабости, которую он выставляет на показ. Но ведь, по сути, слёзы — всего лишь вода. Даже если их увидит свет, боль останется внутри, постепенно превращаясь в ненависть настолько сильную, что её уже ничто не сможет разрушить, кроме чуда, которое прервёт череду несчастий. Но для этого чудо должно быть действительно необыкновенным, словно солнечный луч во время шторма. Но разве есть в этом мире чудеса, которые могут помочь всем, кто этого желает? Чудеса, которые могут накормить ребёнка, что умирает от голода. Шанс, что спасёт человека от смерти, которую он не заслужил, которую ему приписали те, кто сам уже должен был гореть в аду, искупая свои грехи.

Существуют ли чудеса вообще?

Наверное, где-то чудеса и есть, но их очень мало, поэтому всем людям их не хватает, из-за этого в мире, столько ужасных вещей. Может быть, даже поэтому сейчас Люси стоит на той трибуне, со сломленной душой и осколками веры в сердце. И именно поэтому сейчас кто-то умирает, корчась от боли, проклиная того, кого, казалось бы, прокляла сама жизнь. Того, чьи руки снова в крови, но только фигурально, ведь ему не нужно марать их, чтобы убить. Подобные ему убивают, не прикасаясь, если перед ними слабый противник. Такие, как этот парень убивают мелких сошек не задумываясь о последствиях, о том что будет после. Ведь придя сюда в поисках более крупной добычи, надеясь найти ответы на вопросы, которые не каждый сможет задать самому себе, Нацу просто не может терять время. Время, которое так жестоко к тем, кто тратит его впустую.

Идя сквозь горящий первый этаж, Нацу уже не обращает внимания на крики и стоны, ему уже давно не противно, давно не жаль людей, будь то сильный маг или слабый человек. Нацу не улыбается улыбкой садиста, как потом напишут в газетах, ведь он вовсе не безумец. Он делает это не для развлечения, как потом скажут в народе. Как скажут те, кто не имел права ничего говорить, потому что ничего не знал на самом деле, распуская глупые слухи, которые свяжут сердца в страхе. Но никто никогда не расскажет о его прошлом, не вспомнит о том, как не помогли когда-то ребёнку, плачущему в ночи. Как не помогли душе, которая нуждалась в спасенье. Никто никогда не вспомнит о том, какими бесчеловечными могут быть люди.

Только его жертвы, что чудом спаслись, будут, словно в бреду, будут помнить его шаги по скрипящему полу, похожие на шаги самой смерти. И вскакивая в ночи, будут видеть его пустые глаза, на которые огонь отбрасывал блики, придавая им живость, внушая ужас тем, кто смотрел в них в поисках спасенья. Все эти люди в любой тишине будут слышать звуки, которые мы в обычной жизни просто не замечаем. И они, вспоминая волосы, что шевелились на сквозняке, который шёл из окон, будут дрожать от страха. Из окон, которые не закрыли те, кто выпрыгнул в поисках лучшей смерти, кто не хотел сгореть заживо. Никто не хотел оказаться в объятьях огня, который, казалось, был повсюду, словно, его было больше воздуха, и эту иллюзию никто не мог выкинуть из головы.

Нацу поднялся по лестнице на второй этаж, лестница скрипела, а ступеньки, которые он уже прошел, начали обгорать и прекращаться в пепел, словно он уничтожил их одним

касанием. Нацу прекрасно знал, куда ему нужно идти, куда свернуть, кого оставить в живых, чтобы расспросить, но на этот раз удача отвернулась от него, словно не желая иметь с ним ничего общего. Когда он дошёл до нужной ему комнаты — там было пусто, лишь только обрывок одежды, который был на гвозде оконной рамы, шевелился на сквозняке. Тот, кого Нацу хотел расспросить о магии, того, чьи знания он был готов вытаскивать под пытками, нигде не было. Не было и книг, в которых могло говориться о том, что он искал, словно этого здесь никогда и не было. Только пустые книжные полки говорили об обратном, словно издавая крики боли от разлуки с драгоценными изданиями, которые стояли на них многие годы. Только одна книга лежала около стены, которую, видно, вырвали, пытаясь спасти себя и все эти бумажные издания. Но какая ирония, именно эту книгу Нацу хотел заполучить, что бы потом найти кое-что более ценное, чтобы, наконец, завладеть секретом, которым до этого могли использовать только драконы.

Нацу осторожно поднял книгу, провёл большим пальцем по старой шершавой обложке, невольно удивляясь тому яркому цвету закатного солнца, который она смогла сохранить. Затем он аккуратно спрял её в мешке, который держал за пазухой — подальше от огня и ближе к сердцу. Затем прикрыл дверь в комнату, понимая, что скоро всё здесь сторит. Нацу чувствовал, как при входе начали с треском ломаться опоры, которые были деревянными. Здание держалось на одних стенах, которые всё же додумались сделать каменными.

Нацу выпрыгнул из окон второго этажа, наблюдая, как дым медленно поднимается в небо, оповещая весь город о том, что случилось несчастье. Когда Нацу достиг земли, совсем недавно распутившиеся цветы прижались под тяжестью его ног, потеряв свои бутоны навсегда, оставив в воздухе на несколько мгновений сладкий аромат, который улетучился вместе с ветром. Но Нацу спокойно пошёл дальше, не обращая внимания на красоту, которую погубил. Сейчас его путь лежал на другой конец города, где он наконец-то сможет отоспаться, если кошмары не будут мучить его, словно пытаясь изжить его с этого света, напоминая о боли, которую Нацу перенёс.

Он, словно услышав что-то, поднял свои глаза к небу, и его синева отразилась в них, потушив огонь ярости и гнева, но оставив душу тлеть в углях, которые уже никогда не исчезнут. Потому что не могут исчезнуть шрамы с рук, как не могут исчезнуть жестокость и несправедливость с этой планеты. Из-за этого, каждый раз, глядя на свои пальцы и ладони, он будет видеть отрывки воспоминаний. Нацу будет словно во сне видеть каждую битву, что оставила эти шрамы, каждую слезу, которую он вытирал со своих глаз, будучи ребёнком, иногда ощущая на своих ладонях тёплую чешую Игнила, в моменты отчаянья. Сейчас ему отчего-то казалось, что он упустил что-то важное, что он снова сбился с пути, который вел его к Акнологии.

И только крики со стороны здания отрывали его мыслей, мешая сосредоточиться и поймать ускользающую деталь. Но главное то, что он раздобыл книгу и, скорее всего, знает, куда отвезут остальные. Нет, Нацу точно знает, куда их отправят, вместе с человеком, который ему нужен, за которым он ведёт охоту.

Страх и Отвращение

Солнце с самого утра нагревало стены домов и головы людей, даже камни, по которым они шли босыми ногами. Люси словно во сне

брела по городу, где всё сливалось в её глазах, становясь огненно красным. Но это были всего лишь стены, сделанные алого кирпича, что бы грязь, кровь и всё остальное не были видны на них так сильно. Судя по прилавкам, с которых так и смотрели различные товары, это был богатый город, но только нигде не было слышно детского смеха и игр, детей здесь не пускали никуда кроме небольших магазинчиков, никому не хотелось, чтобы их не продали в рабство. А влажный воздух, говорил о близости моря, о том, что это город-порт, спокойно наблюдавший за людьми, которых вели как животных, судьба которых не многим лучше скота. А девушка переносила взгляды, которые бросали на неё, на тех, кто шёл рядом с ней. Ей было жаль тех, кто видел это зрелище впервые, кому раньше не доводилось видеть лица, которые неспособны были различать добро и зло, которые понимали только то, что нужно, а что — нет. Жаль тех, кто пришёл сюда в поиске богатства и прибыли, но наткнулся на невероятную жестокость.

Два дня пути в тёмном трюме, где из еды можно было получить только миску полную чего-то неясного, с ужасным запахом, словно это было что-то гнилое или просто давно пропавшее. Да и то, если удавалось скрыть её от других, таких же голодных людей, словно сошедших. Поэтому теперь, когда всё это сказалось на девушке, Люси не замечала ничего, только сладкий запах выпечки, фруктов и жареной курицы. Её желудок негромко пробурчал, требуя еды, но сил у него хватило всего на несколько раз. Казалось, теперь мысли девушки ничего не могло отвлечь, но всё же во всю эту идиллию запахов вмешался ещё один, до тошноты сладкий и настолько приторный, что вдыхать его было очень трудно, но и от чего-то крайне приятно, а момент, когда запах уже попадал в лёгкие, казалось, был прекраснее всего на свете, словно все беды уносились в неизвестном направлении. И лишь только кряхтящий женский голос, раздавшийся из-за спины Люси, внёс в эти мгновения — черноту, которую уже никогда не смыть, как не потерять знание обречённости:

— Лучше не дыши, это наркотик. На голодный желудок хватит всего нескольких вдохов, чтобы захотеть ещё.

Девушка поспешно задержала дыхание, махнув головой в ответ, сопротивляясь желанию вдохнуть пары ещё хотя бы раз. Затем, когда город, наконец, закончился — девушка увидела огромный особняк, он был пышно украшен, хотя и довольно безвкусно, что говорило о богатых, но чёрствых хозяевах. Маленькие окна, завешенные объёмными шторами — о скрытности, но удивительнее всего во всём этом огромном доме было то, что на некоторых окнах были решётки, пускай и изящные. Но поражала больше всего тишина, царившая в этом доме. Огромный сад, дворик и даже маленький сарайчик, словно были оставлены людьми, пускай всего несколько минут назад. Лишь иногда, до Люси словно из-под земли доносились чужие крики, но настолько тихие, что девушка каждый раз убеждала себя, что это шелест листьев на ветру.

Больше ничего Люси не стала рассматривать, глаза её слипались. Она шла с полузакрытыми веками, позволяя себе небольшую передышку. Их завели в огромный зал, освещённый сумеречным светом. Затем кто-то ходил между ними, осматривал, что-то кому-то говорил. Она мало что понимала, настолько истощена она была.

Но в какой-то момент ей просто пришлось обратить внимание на то, что происходит вокруг. Мужской голос за спиной просто вынудил.

— Она попросту не слушает Вас.

Люси упала на землю, потянув за собой других рабынь, потому что её пнули в спину, но только на этом не закончилось. Стоило только её поднять голову вверх, как с губ слетел крик, потому что её подняли за волосы, поставив на ноги, остановив её лицо прямо напротив чьего-то толстого носа и губ, которые были словно намазаны жиром. Люси не знала, какое чувство сейчас было на пером месте — страх или отвращение. И она была от части права. Сейчас, прямо напротив её испуганного лица, не понимающего, что происходит, стоял владелец этого особняка, этого ада для тех, кто ещё не разучился верить в чудеса.

К несчастью, Люси пропустила все слова, сказанные им ранее. Она не знала, почему сейчас её стоило подумать о том, чтобы замкнуть уста покрепче, закрыть глаза. Сомкнуть зубы до боли в десне, потому что прямо сейчас эти губы, выпачканные в жире от только что съеденной свиной ноги соприкоснулись с сухими и потрескавшимися устами. Устами бедной девушки. Люси тогда со всех сил укусила его, отвращение на секунду пересилило страх.

- Тогда тебя придётся научить.

И снова, Люси едва поняла то, что произошло вокруг.

Верёвка затянулась на её шее, а цепи соскочили с рук. Вот ещё уже тащат по лестницам куда-то вниз, даже если ей иногда удаётся ухватиться за верёвку, ослабить её, вдохнуть немного воздуха. Но затем всё, она снова спотыкается о мраморные ступени, падает, но её всё также тащат дальше. А потом бросают в темницу, оставляя наедине с попытками дышать, попытками снять с себя верёвку, попытками выжить. Но Люси удалось лишь немного ослабить сплетение нитей, к счастью, этого хватило, что бы воздух ринулся в лёгкие, которые, казалось, вот-вот вывернуться наизнанку. Сейчас мыслей в голове не было, не было и чувств, не было отвращения, которое мог вызвать вкус, оставшийся у неё во рту. Осталось только одно, заполнявшее её от и до, нечто, которое пожирало её изнутри.

~~Кажется, страх победил.~~

Люси отползла к стене, облокотившись на неё, лоя ртом драгоценный воздух. Её дыхание было тяжёлым, а сердцебиение — сумасшедшим и быстрым, словно птица, пытающаяся выбраться из клетки. Она ничего не видела и не только потому, что на всю комнату был лишь один факел. У неё потемнело в глазах. А из-за сухости во рту, воздух, наполняя легкие, больно царапал горло. А дышать носом возможности просто не было, настолько душно там было, настолько невыносимым была эта вонь. Но Люси, казалось, уже забыло об этом, забыла обо всём, что было сегодня. Её голова уже не могла думать ни о чём, кроме этого ужасного страха смерти, который сковывает мышцы и подчиняет себе разум человека. И сейчас мысли были ни о побеге, но и не о подчинении чужой воли. Люси была переполнена страхом и ненавистью, ненавистью к тем, кого раньше обожала, считала людьми достойных подражания, к тем, кто предал её веру, обрекая на все эти ужасы. Она проклинала всех волшебников и колдунов, а в особенности магов Хвоста феи. Девушка говорила проклятья, до тех пор, пока к ней не вернулись другие чувства, другие мысли. Пока любопытство не позволило посмотреть чуть правее, чем была она сама.

Рядом с ней была решётка, с толстыми прутьями, и тихие стоны, доносившие до неё. Любопытство пересилило страх, тогда она позволила себе заглянуть в сумрак подвала. Сначала темнота не позволила её разглядеть то, что там было. Но потом, словно выгавив её из забытья, глаза Люси показывали ей то, от чего она мигом отвернулась. Но похоже, до конца жизни девушка будет помнить это. Помнить тёмный подвал, девушек с пустыми взглядами, разлагающиеся тела, острые шпики торчащие отовсюду. Но если бы всё было так поверхностно, словно в видении, было бы проще. Люси смогла за долю секунды увидеть, как девушки плакали, сидя в разорванных платьях, как руки одной из них держали на коленях голову умершего, одну лишь голову, больше ничего остального не было и рядом, тьма подвала

скрыла всё. Но Люси словно продолжала слышать слова той девушки:

Не волнуйся милый, он больше ничего не сможет нам сделать.

Потом раздаётся голос, тихий, словно в голове Люси:

— Да, нелегко падать с олимпа. Но, она сама виновата, нельзя изменять хозяину.

Последнее женщина сказала уже как зазубренное правило. Без эмоций, без чувств.

Она была уже не молодой, морщинки начали появляться на её лице, пускай та ещё сохранила свежесть лица.

— То есть, она была его любовницей?

Женщина посмотрела на Люси с явным удивлением.

— Тебя, видимо, недавно продали в рабство.

И снова спокойная и размеренная речь, словно ни то, что происходит сейчас, ни девушки сидящие в подвалах — её не касаются.

— Ну тогда слушай, здесь, как и в любом другом доме, всех красивых девушек хозяин забирает себе наверх, в комнаты особняка, где каждую ночь ходит к одной из них, заставляя вытворять различные гадости, хотя порою он позволяет использовать их как награду для кого-то. Но стоит девушке сделать это самостоятельно, как следует наказание. Наказание, настолько жестокое, что не все выживают после него.

Не все выживают...

Эта фраза показалась Люси дикой, но при этом в порядке вещей, странная и смешанная мысль. Но отчего-то

след от верёвки заболел сильнее.

— Неужели здесь, все считают это нормальным?

— Не знаю, но тут явно считают правильным всё, что делают люди с большими кошельками, такова эта страна.

Люси сжала кулаки до боли в костяшках пальцев.

— Не думала, что Фиор таков.

— А ты и не в Фиоре, это — Контра, совсем другая страна, с другими порядками. Тебе повезло, если ты от туда, таких, как ты тут любят. Но знаешь, больше я тебе ничего не скажу, тут каждый сам по себе, дам лишь совет — остерегайся тех, кто выше чем ты, они не поймут твоей мольбы.

Люси снова вели по особняку, но на этот раз лестницы вели наверх, что в самом деле удручало девушку после последнего разговора. Она старалась замедлить шаг, чтобы оттянуть тяжкий момент, но только слуги подталкивали её вперёд.

Я не хочу туда, не хочу...

Люси оставили одну, богато украшенном кабинете. Она не смела пошевелиться, лишь только несмело оглядывалась по сторонам, в поисках места, где можно спрятать — но лишь большой шкаф, а точнее, щель за ним могла служить временным укрытием.

Но вот зашли двое мужчин, а значит, бежать было уже поздно. Она лишь только сильнее вжалась в пол.

— Я отдам её тебе, если ты переведёшь мне эту чёртову книгу.

Толстяк, который ранее пытался поцеловать Люси, махнул в её сторону рукою. А его спутник только облапал её глазами, прикидывая, стоят ли его знания этой девушки. Мужчина, встряхнул карими волосами, наклонился прямо над Люси, тихо сидевшей на коленях, губы его растянулись в усмешке.

— Думаю, будет не плохо, хотя я думал, ты можешь предоставить что-нибудь получше.

А хозяин действительно мог, но самое лучшее он всё же оставил для себя. А так же он мог ответить на это замечание, снова, как и раньше, какой-нибудь шуткой. Но он не успел.

Окна выбило ударом кулака. Сильным, точным, как и тот, кто его наносил. Осколки стекла полетели в разные стороны, врезаясь в стены, словно в масло. К счастью, Люси успела спрятаться за шкафом, надеясь, что мужчины не заметят её выходки. А они и не заметили. Просто не было времени. Огонь обуял всё, что было в комнате, окружая мужчин.

— Вы думали, что это будет так просто? А теперь, отдайте мне книгу, а лучше переведите то, что написано в ней.

— Тебе придётся ответить за это.

Нацу усмехнулся, он и не ожидал, что добьется своего так просто. И сейчас, пока огонь пожирает дорогие ковры, Нацу просто ждал, ведь он давно уже усвоил, что боль — куда лучший способ уговорить кого-либо сделать. Он уже видел, нет чувствовал, как искры приближаются к этим гадким существам, считающих себя вершиной мира, конечно же, пока не появится более высокая вершина. Но кажется, гордость одного из них была слишком велика. Он прыгнул в огонь, бросив в Нацу книгой, потащив за собой толстяка. Волшебник с лёгкостью поймал свой трофей, хотя разочарование в его сердце, всё равно было велико. Но книг, была настоящей, не была подделкой, которые попадали ему в руки ране.

— Не волнуйся, Игнил, совсем скоро я найду решение.

Это был триумф. Триумф огня, силы, клятвы, о которой не всем суждено узнать. Но Люси этого не видела. Пред её глазами были лишь языки пламени и чёрный силуэт, от которого веяло ужасом, который походил на призрака прошлого. Люси не было страшно, за сегодня она, казалось, уже растратила весь лимит нервов, а мозг просто устал бояться всего, что её окружало. Девушка, вышла из своего укрытия, и побежала в сторону окна, решив, что разбиться на смерть будет куда лучшей смертью, чем сгореть заживо.

Первое время полёт казался её чем-то прекрасным, ветер обдувал её лицо, волосы трепали их. Руки, протянутые вперёд, сталкиваясь с воздухом, становились холодными, что было приятно, настолько, что она забывала, какой ад был рядом с ней несколько секунд назад. Но только воздух был жесток, подарив приятные моменты, он начал обжигать. Пока Люси набирала скорость в падении, ветер словно разрезал её кожу. **Она поняла, какой ошибкой был этот прыжок.** Вдруг её талию словно обожгли, но Люси всё так же не могла себе позволить открыть глаза. Точнее её не позволили.

— Тебе нельзя это видеть. Не смей оборачиваться.

Пожалуйста, пускай я проснусь где-нибудь в Фиоре, где-нибудь, подальше от этого ужаса.

Лишь на земле жар отпустил. Девушка подумала, что это конец, осталось лишь убежать как можно дальше. Но у Нацу были немного другие планы. И прежде чем Люси успела открыть глаза, он схватил её за волос, поднял над землёй, а к её лицу приставил руку, сгоревшим огнём.

— Ты находилась в этой комнате до того, как я их убил! Ты просто обязана была слышать хоть что-нибудь из того, что они обсуждали.

Но Люси лишь испуганно замотала головой взад вперёд. Сейчас она снова оказалась в объятьях страха, объятьях чудовища, которое держало Люси в руках, словно пёрышко. Нацу отбросил её на землю.

— Чёрт, чёрт.

Он голодал, и теперь его голод уже было не утолить, Нацу потерял возможность исправить чужую смерть. Да, всем магам его действия уже давно казались сплошным безумием, ну что ж, возможно, но сам он не был безумцем. Он поправил книгу, которая находилась в сумке, которая висела у него на плече. Тогда он остановился, вдохнул полной грудью, а затем выдохнул, чешуя начала исчезать от его хвоста, до кончиков ног, уши уменьшились до нормального размера.

— Ну вот, теперь голова раскалывается.

Встряхнув головой, чтобы скинуть пепел — Нацу зашагал прочь от дома.

— Что тебе было от них нужно?

Люси не понимала, за что он их убил. События последних дней оставили глубокий отпечаток в её голове, который позже превратится в шрам. Она считала, что раз жизнь человека так хрупка — её надо беречь, беречь любыми способами, какими только возможно. Девушка поняла это, как только сама оказалась на краю смерти сначала сама, а потом когда сама решила погибнуть. Но Нацу, увы, уже давно, оказавшись на краю смерти, понял, что его жизнь — просто монета для расплаты, которая, по сути, просто занимает место в кошельке. Нацу решил для себя, что если жизнь — просто безделица, которую можно уничтожить в несколько секунд, то зачем она нужна?

Они сейчас стояли друг на против друга, с разным мнением, разным состоянием души, но оба по сути не свободные, пускай для кого-то оковами были цепи, а для кого-то слова клятвы, которую невозможно нарушить.

— За что ты их убил?

Нацу и сам не знал за что, он просто убил, просто закончил всё так же, как и обычно. Он почесал затылок, а потом, пожав плечами — отвернулся и пошёл дальше, словно ничего не случилось, словно никто у него ничего не спрашивал, как будто тут никого не было.

Люси просто молча смотрела на то, как Нацу уходил прочь, не оборачиваясь на крики, доносившиеся из дома, ни на её собственные слова. Она схватила камень, и бросила его вдогонку своему спасителю, она не думала, что попадёт прямо ему в голову или, что камень вообще долетит до него. Она просто хотела привлечь внимание. У неё это получилось.

— Если тебе так интересно, какого это быть на краю смерти и какого это умереть — не обязательно было кидать в меня камень.

Что-то ярко горящее в его глазах, напомнило девушки тот взгляд, которым на неё смотрели в последнее время, смотрели те, кого она ненавидела, кто мучил её сутки напролёт.

— Да ты просто такой же, как и все остальные маги, используешь магию ради «единственной верной цели», но на самом деле используешь её для самого себя, не думая о том, что станет с остальными.

Нацу ожидал чего-то подобного, ведь все, кого он видел в этой стране, будучи рабами ненавидели тех, кто помывал ими. — А ты такая же, как и все рабыни, считающая всех кто стоит выше себе — свиньями, которые ничего не знают о страданиях и цене жизни, но которым ты вынуждена служить и пред которыми ты круглые сутки и только делаешь, что пресмыкаешься, потому что это единственный шанс сохранить свою собственную жизнь.

Молчание. Нацу словно искал подходящие слова, хотя на самом деле он давно знал, что именно будет сказано. Люси же просто ожидала, она хваталась за него, словно за рвущуюся верёвку, понимая, что не может починить её.

— Но на самом деле ты ничего не знаешь о настоящей жизни, да и наверняка едва умеешь считать и считать, я абсолютно уверен, что ты и дня не проживёшь, если твоя жизнь будет похожа на мою.

Вдруг лязг железа, крики охраны прервали обстановку ожидания, говоря о том, что разговор окончен и сейчас Люси схватят.

— А ты рискни, возьми меня с собой.

Нацу удивлённо посмотрел на Люси, ведь он ни ожидал ничего подобного от обычной рабыни.

— Ты предлагаешь мне пари? Тогда, если ты хотя бы раз, в течении месяца, попросишь моей помощи или попробуешь сбежать — то до конца жизни будешь принадлежать мне.

— Но если я выиграю — ты...

Люси задумалась, что же ей от него нужно? Шанс сбежать от сюда и больше, по сути ничего.

— Выполнишь любую мою просьбу.

— По рукам.

Нацу протянул Люси свою руку, а она протянула в ответ. Он одним движением разрубил цепи, которые сковывали её кисти. После чего он потянул её в сторону, уходя в кусты, скрываясь от стражи.

Переворот

Привал. Люси осторожно опускает руки в воду по локоть, радуясь прохладе, которая окутывает запястья. Для её царапин это было незаменимое чувство. Оазис, в котором они остановились был прекрасен, по крайней мере так казалось, когда долго шёл по пустыне. Но только девушке всё равно пришлось встать, чтобы вернуться к небольшому лагерю. Там её ждали отдых, еда и сон. Это всё, что ей было нужно. Поэтому Люси отправилась туда как можно скорее.

***

Нечто окутывало всё тело, прожигало кожу, причиняло невыносимую боль. Это нечто было ужасно маленьким, незаметным на первый взгляд. Но только из-за него в душе у Нацу оставался только пепел, из-за него он каждый раз просыпался в поту. Этот вечер не был исключением. От резкого подъёма голова у парня начала кружиться, но это было куда лучше, чем то, что было несколько минут назад.

Посмотрев по сторонам, Нацу вылез из-под дорожного одеяла, ненадолго остановив взгляд на девушке, которая спала на холодной земле. Нога Люси была привязана к дереву. Не настолько туго, чтобы причинять боль, но достаточно, чтобы девушка не могла развязать верёвку.

Боишься, что убегу?

Нацу не боялся. Но осторожность ещё никому не повредила. Помассировав пальцами виски, парень встал, а затем пошёл в сторону оазиса. Он хочет попытаться остудить то, что по сути, остудить не возможно. И сейчас, пока звёзды скрыты за облаками, пока никто кроме хищных животных не способен на бодрствование, Нацу окунётся в ледяное озеро с головой. Вода поглотит его полностью, заставит нервы ненадолго замёрзнуть, затупит его чувства. Но так или иначе этого не хватит, чтобы вернуть Нацу былое спокойствие.

Едва выйдя на берег, маг, не смотря на ветер и усталость, которая окутала его с головы до ног, собрал все свои пожитки. Затем разбудил Люси. Возможно, раньше бы она и возмутилась, но её голове хватило сил осознать, что никто не станет соскакать с места без причины. А причина была. И настолько веская, что Нацу бежал прочь, словно это могло помочь. Мага угнетала тишина, которая сейчас была по всюду.

Девушка же лишь тихо следовала указаниям, которые ей давали. Люси снова обдумывала всё то, что с ней приключилось. Ей уже было не так важно из-за чего это произошло, можно ли было всё исправить. Куда важнее было то, что будет дальше. Нацу не внушал девушке доверия, даже более того — пугал её, но сейчас у неё не было особого выбора. И поэтому, под яркое сияние месяца, девушка шла босиком по песку, по острым камням, делала вид, что не замечает их, потому что она не может отстать от мага. Она сыта, а это уже неплохо, верно? Нацу часто смотрел по сторонам, оглядывался, но никогда не останавливался, не замедлял быстрый шаг.

Но только могло ли в ночной пустыне таиться что-нибудь ужасное?

Они шли долгое время, а холод ночной пустыни всё сильнее ощущался, сковывая всё тело, замораживая все внутренности. В пустыню пришла ночь, а вслед за ней и низкие температуры. В этом был огромный недостаток для тех, кто постоянно был в движении, кто бежал от чего-либо. Потому как днём температура достигала тридцати градусов тепла, нагревая почву настолько, что на ногах оставались ожоги. После заката солнца же всё остывало за несколько часов: как воздух, так и песок. И если случайно уснуть без костра, то легко можно не проснуться. Иногда казалось, что боги в этих местах смеются над людьми, потому что кто ещё мог придумать подобную пытку?

Но так или иначе любому пути приходит конец, как и после длинной ночи — рассвет. Но только сил радоваться ему у Люси не было, в то время, как Нацу с облегчением вздохнул. Его страх отступил, а значит всё останется так же, как и сейчас, ничего не изменится. Но как долго это продлится? Маг не знал, но в то же время он понимал, что ему нужно спешить.

Но только что ему теперь делать?

В планах у волшебника всё было куда проще, чем в реальности. Он попросту должен был забрать книгу, узнать перевод, а затем с триумфом исправить ошибки прошлого. Но только тот, кто знал этот язык — сгорел в пламени. Неужели ему придётся отправляться в другую страну за подобными знаниями? Нацу хотелось выть от досады, разочарование в произошедшем распирало его грудь, а гул в голове мешал думать рационально.

— Что случилось?

Девушка говорила осторожно, боясь принять удар на себя. Да то, какие усилия она потратила что бы заговорить, уже отняли много сил. Но Нацу этого не знал, поэтому сорвался. Да кто она такая, чтобы расспрашивать его? Всего лишь глупая рабыня, которая ни на что не способна, кроме как ныть и пресмыкаться. Но это то, как девушка выглядела в глазах Нацу. Но только вот Люси была уверена, что она способна на большее.

— Я могу помочь. Хотя бы попытаться.

Нацу засмеялся, несмотря на всю серьёзность в голосе девушки. Не только от того, что это показалось ему забавным, больше от отчаянья. Но только ему всё это чертовски нравилось, потому что он уже давно забыл, какого это, когда ты смеёшься. Поэтому он позволил себе подыграть ей.

— Чем ты можешь мне помочь? Неужели в подвалах учат чтению древних книг?

Люси начинала злиться. Конечно же, их встреча не была в обстановке полной изысканности или хотя бы приличия. Но вот только она не была в этом виновата. Да и что он вообще знает о ней?

— Я не была рождена рабыней. Да и была ей довольно короткое время. И да, я умею читать древние тексты, пускай знаю только основы.

Смех Нацу на мгновение замолк. Мог ли он верить этой девушке? Были ли её слова правдивыми, а может, просто самозащитой? Попыткой показать, что она ничем не хуже его? Всё это было совсем не так, как он думал. Хотя, почему бы не проверить? В любом случае он будет доволен. Либо он приблизится к своей цели, а может быть просто получит ещё один повод поиздеваться на бедной девушкой.

— Тогда подожди минуту.

Нацу осторожно залез в сумку, в которой хранилось его сокровище, его путь к свободе от прошлого, возможно даже билета к счастью. Ему не хотелось вручать её кому-либо в руки, после всего, что он сделал, чтобы заполучить её. Но сейчас он старался не думать об этом. Поэтому осторожно протянул книгу Люси.

— Переведи первую страницу.

Девушка осторожно открыла первую страницу, ощутив приятный запах старой бумаги и чернил. Осторожно провела ладонью по буквам, которые были выведены аккуратным почерком. Люси невольно отметила, какая это прекрасная работа. Возможно, если бы девушка сейчас была дома, то она бы без раздумий пролистала всю книгу, изучила бы её вдоль и поперёк, старясь понять кто и зачем написал её. Но только сейчас времени на это совсем не было. Нацу поторопил Люси, поэтому она принялась внимательно вглядываться в каждый символ. Да, конечно же, знаний у девушки было не слишком много, потому как она не собиралась посвящать расшифровке текстов всю свою жизнь, но того, что у неё было — вполне хватало для того, чтобы понять общий смысл.

— Здесь написано заклинание. Судя по описанию — переноса в будущее, на неопределённое время. То есть, мага, применившего его может выкинуть в абсолютно любом моменте. Само заклинание пока перевести не могу, для этого надо куда больше знаний.

Девушка выжидающе посмотрела на того, кто заставил её переводить данную страницу, всем своим видом показывая, что он ошибался. Хотя через несколько минут её рвение угасло, а взамен ему пришло понимание того, что это не самая обычная книга, а тот, кто владеет ей — вовсе не самый обычный тёмный маг. Люси хотела знать больше обо всем, что сейчас происходит, но лимит её храбрости вовсе не бесконечен, как и терпение её спутника, поэтому она решила спросить его позже, когда он будет в более благоприятном настроении. Нацу же на мгновение задумался. Всё то, что говорила девушка — совпадало с тем, что он уже знал. Но куда больше его интересовало то, что было в конце книги, то, что было для него загадкой. Это была огромная удача, что он прихватил её с собой. Но только теперь она станет для него чуть больше, чем средством для убийства скуки.

— Как тебя зовут?

Люси вздрогнула, она ожидала чего угодно, любой реакции, но только не вопроса о том, как её зовут. Это было немного странно в данной ситуации, тем более, что связаны были они лишь пари, которые было заключено не в серьёз, хотя позже переросло в обязательство. Тяжко вздохнув, девушка решила, что это всё это слишком странно: книга на древнем языке, маг-убийца, страна, в которой никто никому не нужен. Люси всё ещё мечтала о том, чтобы всё это

было обычным сном.

— Меня зовут Люси. Люси Хартфилия.

Нацу лишь молча принял эту информацию к сведению, не понимая, зачем такая официальность. Ему ведь лишь нужно знать, как звать её, когда она понадобится, не более того. Хотя имя ему понравилось. Оно было простым и звучным, а значит не придётся тратить время и силы, что бы его запоминать. Это действительно радовало. Столько хорошего за несколько суток. Нацу всё ещё сомневался, что судьба могла преподнести такому, как он столь любезный подарок.

Девушка же позволила себе спросить имя своего спутника. Она старалась сделать это ненавязчиво, но только у неё всё равно не вышло так, как она хотела:

— Может, назовёшь своё имя?

Юноша лишь улыбнулся. Своё имя он никому не называл уже многие годы, стараясь оставаться в тени. И сейчас он не собирался изменять этим принципам, поскольку небольшое достижение вовсе не делало эту девушку достойной того, чтобы стать исключением из правил.

— Узнаешь в своё время.

Потом ничего. Юноша лишь осторожно взял книгу из рук Люси, а затем убрал её обратно в сумку, тщательно застегнув все замки. Затем он просто поманил за собой девушку. Без слов, потому что это не требовалось. Он знал, что Люси пойдёт за ним, потому что он нужен ей, чтобы выжить. Изменилось лишь то, что ему теперь придётся позаботиться о том, чтобы она прожила до тех пор, пока Нацу не узнает конец книги. Пока всё не изменится. Совсем скоро он перевернёт историю.

И они вновь отправились в путь, пускай не до конца понимая, куда он их приведёт. Но одно каждый из них точно знал, что это лучше, чем стоять на месте. Нацу побрёл дальше, вспоминая, где находится следующее место для привала, поскольку солнце уже начинало подниматься над горизонтом. Люси же всего лишь надеялась на то, что она сможет отдохнуть, провалившись в объятия сна, который укроет её от всех бед.

Но как бы там ни было, это было хорошее начало дня.

Память

Люси всегда знала, что мир, в котором она живёт, — это далеко не рай, что в нём существуют беды и пороки. Но она и подумать не могла, что в нём существуют места, похожие на ад. И тем более, что она окажется в одном из них. Девушка шла по горячему, как огонь, песку, с ужасом делая каждый шаг. Верёвки, которыми были связаны руки Люси походили на кандалы, разница была лишь в том, что они причиняли куда меньше неудобств и боли. Несмотря на всё, она оставалась пленницей без права голоса. Солнце всё сильнее нагревало песок настолько сильно, что казалось, воздух вот-вот загорится. Нацу шёл впереди, не обращая внимания на жару, казалось бы, ему даже нравилась подобная погода. Во всей этой пустыне, казалось, не было никого кроме них. Как иронично бы это не звучало, но здесь было совершенно пустынно. Но даже сейчас у Люси оставалась надежда на то, что она вырвется отсюда. Смутная, расплывчатая. Точно такая же, как и воздух, нагретый от горячего песка, такая же призрачная. Каждый шаг обжигал стопы, на коже появились первые ожоги. Всё тело ныло так, словно девушка много лет таскала тяжести без перерыва. А ведь всё только начало приходить в норму. Хотя, конечно же, «нормой» это можно было назвать с большим трудом. Но выбора у девушки не было. Ей хотелось жить, и это желание заставляло её идти дальше. Нацу же переносил жару куда проще. Толи от того, что он огненный маг, а может из-за того, что юноша привык к этой стране, к её климату. Да и терзало его совсем другое, нечто куда более страшное, нежели погодные условия.

К счастью для героев, на горизонте виднелся город. Он был не слишком большим по площади, но в тоже время, мог вместить большое количество людей из-за того, что дома были в несколько этажей. Но его голые стены уже издали казались пустынными и неживыми. Люси изначально решила, что город заброшен, поскольку никаких звуков она не услышала даже в тот момент, когда расстояние до их цели было меньше ста метров. Но там была тень, а это главное. Но Нацу знал, что в этом месте надо быть на чеку. Когда путники дошли до высокой арки, маг снял с головы капюшон, который раньше почти всегда был на нём. Он и Люси вошли через массивные ворота города. Люси опустила глаза, глядя себе под ноги.

Тебе не следует смотреть на них, как и отвечать на их вопросы. Иначе наш обман моментально раскроют.

Вдруг внимание Люси привлёк голос, жесткий и скрипучий, словно песок в пустыне:

— Почему она связана? Разве тебе не известно, что рабовладельцам тут не рады?

Люси не стала ничего предпринимать. Ей ясно сказали, что молчание в этом городе — золото, которого тут так не хватает. Да и этот голос девушке совершенно не нравился, не внушал и капли доверия. Люси прикусила потрескавшиеся губы, нечаянно оторвав кусок кожи. Вдруг она поняла, что ощущает во рту железный привкус крови. Это не к добру.

— Она не рабыня. Это всё, что Вам стоит знать.

Нацу ответил с ледяным спокойствием, настолько уверенно, что никто не мог ему возразить. Но только они оба чувствовали на своей спине скептические взгляды, которые хотели

узнать обо всём, что скрывают эти двое. Но так или иначе Нацу и Люси пошли дальше, никогда не стоит задерживаться в тех местах, где ты незваный гость.

— Тебе всё равно не удержать подобный трофей. Чёрная сталь заберёт её себе.

Только и крикнули им в след. Дурное предчувствие Люси всё сильнее нарастало в груди. Но только Нацу был абсолютно спокоен, возможно, девушке просто стоит довериться ему? Но сердце Люси говорило совершенно об обратном. *Никому нельзя доверять.* И позже Девушка поняла, что это действительно так.

***

Люси очнулась в пустой комнате, в ней не было запахов, что говорило о том, что здесь никогда ничего не было. Не склада, не жилого помещения. Ничего. Это помещение просто существовало, ожидая того момента, пока люди придумают ему назначение. Пустой сосуд, которому было уже на всё безразлично. Что же она здесь забыла? Девушка едва ли могла вспомнить все детали. Её чем-то больно огрели, когда она вышла на улицу из здания, где они с магом остановились. Её снова похитили? Девушка нервно сглотнула, начала осматривать помещение ещё тщательнее, в попытках найти выход. Но только движения Люси привлекли людей, которые стояли у окна, словно высматривая кого-то. Они почти моментально направились в сторону очнувшейся Люси.

— Мы спасли тебя, может, отплатишь нам за это?

Девушка нервно сглотнула, не нужно было долго думать, какой благодарности от неё ждут. Самым ужасным в этой ситуации было то, что Люси была загнана в угол, позади неё было две стены, а спереди — похитители. Мужчин было всего лишь двое. Но из-за того, что Люси находилась в помещении, у девушки не было возможности бежать. Да и куда ей было бежать? Весь город давно был пропитан подобными «праведниками». Но неужели она ничего не может сделать? Прямо как в тот момент, когда Люси поймали в порту. Она боялась не того, что с ней может случиться, а того, что уже было в прошлом. Девушка едва смогла отрицательно завертеть головой.

— Не ломайся. Мы ведь знаем, что ты уже не раз занималась подобным.

Их руки потянулись в сторону девушки. Грубые, длинные пальцы неминуемо приближались к лицу девушки, с каждым сантиметром ей всё сильнее кричать. «Сопrotивляйся, ты не можешь вот так сдаться после всего», — только и думала девушка. Но в какой-то момент её мозг перестал мыслить рационально.

Звонкий хлопок пощёчины на несколько секунд остановил происходящее, повлѣк за собой мгновенья тишины. Но разве этого могла хватить для того, чтобы остановить данный кошмар? Люси попыталась вскочить, броситься бежать, неважно куда, лишь бы подальше от сюда. Но только дорогу ей почти в ту же секунду преградили, оттолкнув в пыльный угол. Голову словно пронзило молнией. Но девушка всё равно встала.

Больше она не собиралась сдаваться без боя.

— Не подходите.

Мужчины лишь покачали головой. Им определённо нравилась эта игра. Загонять беспомощную девушку, учить нехорошему поведению, это же весело, верно? Люси лишь нервно сжала кулаки, сейчас ей очень не хватало Водолея, её силы, уверенности в себе, но куда больше Люси соскучилась по-своему сокровенному другу. Мужчины вновь придвинулись поближе, словно специально делая шаги то меньше, то безумно огромными. Для них это просто забава, которая обернётся весёлым концом. Победа уже у них в руках, так чего мелочиться?

— Вы не слышали, что она сказала?

Нацу осторожно запрыгнул в окно. Его розовые волосы казались огненно-красными под яркими лучами света, а в глазах играло пламя азарта. Кажется, никому и в голову не пришло, что он дожидался того момента, когда Люси придёт в себя. Ему ведь тоже хотелось повеселиться. В чём интерес победы без зрелища?

— Иди отсюда малец, пока насильно не вышвырнули.

Мужчины повернулись в его сторону, кажется, они ещё не понимают, с кем связались. Они ведь простые люди, не владеющие магией, так кому ещё нужно было бояться? Мужчины начали придвигаться к Нацу, так же играючи. Они всё ещё не понимали, с кем связались. Нацу лишь отмахнулся от них рукой, словно от мусора. С его пальцев соскочили искры, направившись прямо к ним.

— Прочь.

Языки пламени заставили людей отступить. Но только девушку они оттащили вместе с собой, словно дети, не желающие отдавать игрушку. Люси лишь надеялась, что конец уже близок. Потому что адреналин в крови всё сильнее бушевал.

— Она не твоя собственность.

Нацу был зол. Ещё никто не смел мешать его планам, когда он был так близок к поставленной цели. Тем более те, кто уверен, что их ложь — истинная правда. Нацу всегда ненавидел таких, как они: наглых, самодовольных, не понимающих, что существуют другие люди. Но самым ужасным было то, что он становился точно таким же. Из-за этого его злость лишь возрастала. Маг хотел рвать и метать, сжечь весь этот проклятый город, но сдерживал себя из последних сил.

— Эта девушка и не просила другого.

Нацу почти моментально оказался за спиной мужчин, коснувшись их огнём, который горел в его руках. Адское пламя заставило их закричать. Жар проникал до самых костей, причиняя невыносимую боль. Но при любой попытке отклониться он не исчезал, а становился куда сильнее, всё более и более жестоким. Одежда на них загорелась, ещё немного и их уже не спасти. Люси с ужасом наблюдала за этой картиной, каждая клетка её тела содрогалась от

страха. А она ведь почти забыла, что он с лёгкостью убивает тех, кто стоит у него на пути. Что же будет, если однажды между ним и его целью встанет она? Люси старалась не думать об этом. Девушка хотела зажмуриться, спрятаться от всего. Но ведь всё это происходит, по сути, из-за неё, поэтому Люси смотрела, всё сильнее сжимаясь в стену. Девушка ещё долго не сможет выкинуть из головы это зрелище, сделать вид, что никогда не слышала столь ужасных криков.

— Как можно быть столь неосторожной? Дважды попасться в руки к проходимцам. Может, тебе это нравится?

Нацу явно насмеялся над девушкой. Ему выпала возможность сразиться, пускай этот бой больше походил на лёгкую разминку. Но вот только за всем этим последует кое-что куда интересней. Люси же лишь молча выслушивала насмешки. В этот раз она действительно повела себя глупо, так зачем спорить? Но вдруг взгляд Нацу остановился на поджатых губах девушки.

— Реликта. Ты ведь не слышала об этом месте?

Люси лишь отрицательно покачала головой. Девушка едва ли слышала о данной стране, не то что о городах, которые были здесь. Тем более о столь таинственных. Но если бы и знала — не вспомнила, Люси всё ещё не могла прийти в себя. Сердце всё сильнее колотилось в груди, но всё, на что она была способна — приложить ладони к лицу, отгоняя страшные мысли и воспоминания, которые словно цепи сковали её разум. Никто не сможет забыть подобный ужас, даже если пройдут столетия. Прошлое обошлось с ней ужасно, оставив огромную рану в душе. Всё, что может поделать с этим девушка — это учиться с этим жить до тех пор, пока шрам станет обычным отпечатком на коже. Но сколько же времени уйдёт на это?

— Раньше этот город был центром работорговли, но сейчас здесь всем заведует мой знакомый.

Люси удивлённо посмотрела на Нацу. Девушка никак не могла уложить в голове то, что у тёмного мага могут быть такие влиятельные знакомые. Да и то, что у него есть те, кто хоть немного общался с ним. Но отчего же тогда столь холодный приём?

— Этот знакомый — твой друг?

Нацу лишь усмехнулся. Разве можно называть того, с кем судьба развела тебя около десяти лет назад — другом? Они всегда были напарниками, союзниками, но никогда чем-то большим. Привязанности опасны. Каждому из них это было хорошо известно.

— Мы просто из одного теста, вот и всё. Однажды он использовал меня, а я позволил ему это, так как мне самому нужна была его помощь. Ничего более. Тогда мы были просто двумя одинокими мальчишками, которые были готовы рискнуть жизнью.

Нацу говорил это спокойным голос, но в его голове невольно проносились воспоминания, которые заставляли его душу вздрагивать. Как его схватили работорговцы, стоило ему оказаться в этой стране с глупыми законами. Нацу отчётливо помнил тяжесть кандалов, пахнущих кровью. И то, как он был рад протянутой руке того, кто помог ему бежать. Помнил ощущение приятного страха во время разговоров тайком от работорговцев. План,

который граничил с безумием, а самое главное — побег. Лёгкость, с которой его напарник перекусил наручники. А затем выплюнул их с явным отвращением. «Ржавые», — отплёвываясь произнёс он, Нацу никогда не забудет то железное спокойствие в голосе. За детскими наручниками никто никогда не следил, поскольку у детей обычно не хватает сил на то, чтобы сломать их. А магию в Контре способны творить лишь отпрыски богатых и представительных семейств. Поэтому их охранники были самоуверенны. Это было самой важной деталью в их плане. Когда они вместе освободили всех, Нацу поджёг деревянную повозку, заставив лошадей остановиться. И тогда они бежали прочь, скрываясь в клубах дыма, не подпуская к себе преследователей при помощи огня. Только он и Нацу, потому как остальные побоялись последовать за ними. Страх всегда мешал людям рисковать своей жизнью. *Но разве это жизнь?*

— Что с тобой?

Голос Люси, словно трос, вытащил Нацу из воспоминаний. Он слишком часто стал думать о прошлом, которое с каждым разом затягивало всё глубже. Погружая его душу в хаос, который вот-вот вырвется из-под контроля. И никому не дано знать, когда это случится, когда тьма из былого достигнет его.

— Всё как обычно.

Только и успел сказать Нацу, прежде чем на улице послышались шаги. Кажется, их ожидает довольно интересная встреча.

Страница книги Две жизни в интернете